ДВА ГОДА

из

ЖИЗНИ А. С. ПУШКИНА.

(1824—1826).

Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

Рѣчь
въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго
Университета 26 мая 1899 года

орд. проф. **Е. В. Пѣтухова.**

Юрьевъ.
Печатано въ типографіи К. Маттисена.
1899.

ДВА ГОДА

ИЗЪ

ЖИЗНИ А. С. ПУШКИНА.

(1824—1826).

Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

Рѣчь

въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета 26 мая 1899 года

орд. проф. **Е. В. Пѣтухова.**

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1899 г.

Два года изъ жизни А. С. Пушкина.

(1824—1826).

I.

Высланный по Высочайшей волѣ изъ Одессы за выраженныя въ одномъ перехваченномъ на почтѣ письмѣ мысли объ атеизмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ исключенный изъ службы въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ „за дурное поведеніе“, Пушкинъ явился въ Михайловское 9 августа 1824 года. Уже болѣе четырехъ лѣтъ, со времени первой ссылки изъ Петербурга на югъ весной 1820 года, П. находился въ опалѣ, являясь въ глазахъ правительства человѣкомъ подозрительнымъ и опаснымъ. Много пережилъ поэтъ за это время полукочевой жизни на Кавказѣ и въ Крыму, въ Кишиневѣ и въ Одессѣ; много потратилъ душевныхъ силъ на случайныя впечатлѣнія и встрѣчи, вдали отъ широкаго круга друзей, отъ столичнаго общества, отъ литературныхъ центровъ; но талантъ его зрѣлъ, кипучія молодыя силы бродили и нуждались въ новой обстановкѣ, которая дала бы возможность поэту сосредоточиться въ себѣ и выступить въ той великой роли, на какую онъ имѣлъ право по размѣрамъ своего геніальнаго дарованія.

Такимъ именно мѣстомъ явилось для П-на Михайловское.

Но на первое время обстоятельства новой жизни П-на сложились для него далеко не благопріятно. О душевномъ настроеніи, съ которымъ встрѣтилъ онъ родныя мѣста въ этотъ пріѣздъ въ Михайловское, поэтъ такъ вспоминалъ 11 лѣтъ спустя:

Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. (Соч. II. 183) [1]).

Новую пищу ожесточенію дала молодому изгнаннику какъ разъ та родная семья, въ которой онъ всего скорѣе могъ бы надѣяться встрѣтить пониманіе и нравственную поддержку. Поводъ къ первому же, весьма крупному недоразумѣнію подалъ отецъ П-на, совершенно не понявшій того положенія, которое онъ долженъ былъ бы занять относительно сына. Маркизъ Ф. О. Паулуччи, лифляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда и Псковская губернія, поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства Пещурову пригласить отца П-на принять на себя надзоръ за поведеніемъ сына и слѣдить за его перепиской, причемъ въ оффиціальной бумагѣ по этому поводу назвалъ Сергѣя Львовича „однимъ изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей"; Сергѣй Львовичъ имѣлъ слабость принять это предложеніе. Что изъ этого вышло, о томъ менѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца по пріѣздѣ своемъ въ деревню П. писалъ Жуковскому (31 окт. 1824): „Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. . . Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе; я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. . . Желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова. . . Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ

---

1) Ссылки вездѣ сдѣланы по изданію Литературнаго Фонда, подъ ред. П. О. Морозова. Т. I—VII. Спб. 1887.

верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. . . Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. . . Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ . . . потомъ, что хотѣлъ бить! . . . Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? . . . Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра" (VII. 88) [1]). Мать П-на всецѣло стояла въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ мужа, неограниченнымъ вліяніемъ на котораго пользовалась въ продолженіе всей своей жизни (ум. въ 1836 году, а Сергѣй Львовичъ въ 1848). Можно себѣ представить, что ожидало бы П-на, если бы обвиненію отца данъ былъ естественный ходъ. Но въ дѣло вмѣшался Жуковскій и своимъ посредничествомъ дѣйствительно „спасъ" поэта, который справедливо предполагалъ (въ черновомъ наброскѣ того же письма къ Жуковскому), что „шутка эта пахнетъ каторгой": въ ноябрѣ того же 1824 года отецъ П-на со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда, подъ благовиднымъ предлогомъ, прислалъ отказъ отъ добровольно принятыхъ на себя обязанностей надзора за сыномъ.

Пушкинъ остался въ Михайловскомъ одинъ.

Но одиночество поэта оказалось неполнымъ. Въ трехъ

1) Въ то же время П. писалъ псковскому губернатору Б. А. Адеркасу: „Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье своихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любови его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь, для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей" (VII. 89).

верстахъ отъ Михайловскаго лежало (какъ и теперь) село Тригорское, принадлежавшее сосѣдней помѣщицѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой и ея семейству. Въ усадьбѣ Тригорскаго жила многочисленная семья Прасковьи Александровны, которая отъ перваго брака, съ Вульфомъ, имѣла дѣтей — Алексѣя Николаевича, бывшаго тогда студентомъ Дерптскаго университета, и дочерей Анну и Евпраксію, а отъ второго брака, съ Осиповымъ, были у нея двѣ дочери — Екатерина и Марья Ивановны. Кромѣ того, тутъ же жили или отъ времени до времени наѣзжали нѣсколько молодыхъ родственницъ хозяйки и между ними Александра Ивановна Осипова (впослѣдствіи Беклешова), которой П. признавался въ любви (I. 328—329) и Анна Петровна Кернъ (рожд. Полторацкая), поразившая Пушкина въ С.-Петербургѣ, незадолго передъ выѣздомъ его изъ столицы, своей красотой и возбудившая въ поэтѣ, во время пребыванія его въ деревнѣ, хотя и кратковременное, но несомнѣнно горячее увлеченіе. Это была типическая для того времени русская достаточная помѣщичья семья, жившая дружно и весело, вполнѣ интеллигентная, умѣвшая цѣнить образованіе, любившая литературу. Съ семьей П-ныхъ П. А. Осипова была знакома и раньше, но появленіе въ Михайловскомъ Александра Сергѣевича, уже тогда пользовавшагося значительной литературной извѣстностью, должно было возбудить въ Тригорскомъ, преимущественно въ женской половинѣ его молодого населенія, особый интересъ. Въ началѣ знакомство съ Тригорскимъ повидимому не показалось для П-на особенно привлекательнымъ: въ концѣ сентября 1824 года онъ пишетъ кн. В. Ѳ. Вяземской о „бѣшенствѣ скуки, которая пожираетъ его глупое существованіе“, а въ началѣ декабря того же года — сестрѣ Ольгѣ: „твои Тригорскія пріятельницы — несносныя . . ., кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы“ (VII. 93. 99). Но вскорѣ затѣмъ взглядъ его на сосѣдей измѣнился, и не только онъ былъ любимымъ и желаннымъ гостемъ въ

Тригорскомъ, но и самъ очень охотно проводилъ тамъ нерѣдко цѣлые дни то въ забавахъ и шуткахъ, то просиживая за книгами въ библіотекѣ покойнаго отца П. А. Осиповой Вандомскаго; видную роль въ этихъ развлеченіяхъ играли конечно и литературныя шалости, большею частью любовнаго характера, на которыя былъ такъ неистощимо щедръ П. и которыми онъ наполнялъ семейные альбомы Тригорскаго. Особенно замѣчателенъ между этими альбомами, составлявшими тогда необходимую принадлежность всякаго сколько-нибудь образованнаго семейства, былъ альбомъ хозяйки дома Прасковьи Александровны, описанный въ свое время покойнымъ М. И. Семевскимъ, которому русская біографическая литература многимъ обязана въ сохраненіи фактовъ интимной жизни П-на въ памятные годы его пребыванія въ Михайловскомъ: „въ теченіе цѣлаго полустолѣтія вписывалось сюда его обладательницей, дочерьми ея и наконецъ самими поэтами различнаго рода стихи на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ; множество воспоминаній связано для семейства П. А. Осиповой съ этимъ альбомомъ“; въ него вошли произведенія Байрона, Клопштока, Шиллера, Гете, Виктора Гюго, стихи Карамзина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Козлова, Баратынскаго, барона Дельвига, Воейкова, Батюшкова, Дениса Давыдова, Ѳедора Глинки, Хомякова, Крылова, Плетнева, Гнѣдича, Языкова и самого Пушкина [1]). Въ этотъ альбомъ П., между прочимъ, вписалъ 25 іюня 1825 года, подъ впечатлѣніемъ мечты о скоромъ освобожденіи изъ ссылки:

Быть можетъ, ужъ не долго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

1) М. Семевскій. Къ біографіи Пушкина. Русскій Вѣстникъ 1869 г., ноябрь, стр. 65—67.

Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней!

(I. 349—350).

И эту трогательную привязанность къ Тригорскому и къ семейству П. А. Осиповой сохранилъ П. до послѣднихъ лѣтъ своей жизни. „Повѣрьте мнѣ — писалъ онъ въ октябрѣ 1835 года Осиповой — жизнь при всемъ томъ, что она „сладкая привычка“, содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой она наконецъ дѣлается противною; свѣтъ же — гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское“, а два мѣсяца спустя — ей же: „когда я подумаю, что уже 10 лѣтъ прошло со времени тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ, мнѣ кажется, что я видѣлъ сонъ: сколько событій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ взглядовъ, моего положенія и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ Вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою же, всегда полною и ненарушимою (VII. 388. 390).

Въ настоящее время и Михайловское и Тригорское, исключая природы, представляютъ очень мало такого, что бы напоминало время, проведенное тамъ когда-то Пушкинымъ. Время, обстоятельства и — правду сказать — наше собственное невниманіе къ памяти нашихъ великихъ людей стерли живые слѣды этой замѣчательной эпохи въ жизни П-на. Михайловское принадлежитъ теперь сыну поэта, отставному генералу Григ. А. Пушкину, по увѣренію котораго изъ всѣхъ построекъ прежней усадьбы уцѣлѣлъ лишь флигель, въ которомъ, говорятъ, жила няня поэта — знаменитая Арина Родіоновна; вещей отъ П-на того времени здѣсь почти не сохранилось. Что же касается Тригорскаго, то имъ въ настоящее время владѣетъ баронесса

Соф. Бор. Вревская, родная дочь той самой Евпраксіи Николаевны Вульфъ, вышедшей въ 1831 году замужъ за барона Б. А. Вревскаго, которой въ 1825 году П. посвятилъ граціозное стихотвореніе:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись! . . .

и которая, по мнѣнію П. В. Анненкова [1]), послужила оригиналомъ для созданія образа Ольги въ „Евгеніи Онѣгинѣ", подобно тому, какъ ея сестра Анна Николаевна считается прототипомъ Татьяны. Но сама владѣлица Тригорскаго теперь тамъ не живетъ, избравши для себя другое имѣніе, въ 25 верстахъ отъ Тригорскаго, Голубово, гдѣ въ ея семьѣ и до сихъ поръ свято хранится память о Пушкинѣ и, между прочимъ, экземпляръ одной главы „Онѣгина" изд. 1828 года, съ собственноручной надписью П-на для Евпраксіи Николаевны: „твоя отъ твоихъ" [2]). Изъ членовъ семьи П. А. Осиповой, видѣвшихъ Пушкина собственными глазами, осталась теперь лишь одна Екатерина Ивановна Фокъ, дочь Осиповой отъ второго брака, бывшая въ пору пребыванія поэта въ Михайловскомъ еще ребенкомъ и сохранившая нѣкоторыя воспоминанія о немъ, относящіяся впрочемъ уже къ болѣе позднему періоду его жизни [3]).

Та среда, въ которой вращался П. въ гостепріимномъ домѣ села Тригорскаго, была почти исключительно женская, и если припомнить, что въ Михайловскомъ явился П. послѣ нѣсколькихъ лѣтъ шумной и праздно-разгульной жизни въ Кишиневѣ и Одессѣ, среди компаніи случайныхъ людей съ безсемейнымъ и свободнымъ образомъ жизни, то легко себѣ представить, какое благотворное вліяніе могла

1) Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 279.

2) В. Острогорскій. Пушкинскій уголокъ земли. Міръ Божій 1898, сентябрь, стр. 204—207.

3) Острогорскій, стр. 227—228.

имѣть эта среда на поэта, впечатлительная и воспріимчивая натура котораго всегда, до послѣднихъ дней своей жизни, искала и высоко цѣнила тѣ духовныя блага, которыя можетъ дать человѣку хорошая семья — тѣмъ болѣе, что собственная семья П-на, особенно въ данную эпоху, представляла для него въ этомъ отношеніи болѣе отрицательныхъ, нежели положительныхъ сторонъ. Женское общество Тригорскаго, состоявшее изъ цѣлаго ряда молодыхъ образованныхъ дѣвушекъ и женщинъ и отъ времени до времени мѣнявшееся и обновлявшееся въ своемъ составѣ пріѣзжими гостьями-родственницами, могло только самымъ облагораживающимъ образомъ дѣйствовать на П-на, обуздывать его порывистыя страсти, возбуждать къ поэтической дѣятельности и предоставлять ему вполнѣ чистую въ нравственномъ отношеніи атмосферу для отдыха и развлеченія отъ умственнаго труда.

Но эта среда не была для него единственной: она дополнялась мужскою, которая впрочемъ была непостоянной и являлась въ видѣ временныхъ посѣщеній Михайловскаго и Тригорскаго изъ прежнихъ товарищей П-на и гостей собственно П. А. Осиповой.

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены тутъ Вульфъ и Языковъ, бывшіе тогда оба студентами Дерптскаго университета.

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, сынъ П. А. Осиповой отъ перваго брака, изучалъ въ Дерптѣ въ 1822—25 годахъ военныя науки (на юридическомъ факультетѣ). Почти каждыя вакаціи, зимой и лѣтомъ, пріѣзжалъ онъ въ деревню и былъ для П-на интересенъ не только какъ членъ семьи П. А. Осиповой, не только по своей отзывчивой молодости, но и по своему образованію, начитанности и серьезности. Едва проводивъ А. Н. Вульфа, П. 20 сентября 1824 года уже писалъ ему въ Дерптъ:

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,

Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета!
. . . .

Запируемъ — ужъ молчи!
Чудо — жизнь анахорета:
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены. (VII. 85)

Но что время у пріятелей проходило не въ однихъ описанныхъ тутъ развлеченіяхъ, это видно изъ позднѣйшихъ воспоминаній П-на о Вульфѣ и о своихъ съ нимъ бесѣдахъ: „въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ... Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной провѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ...“ (V. 186).

А. Н. Вульфъ былъ также главнымъ участникомъ въ выработкѣ неудавшагося плана П-на бѣжать заграницу. П., которому такъ и не удалось въ своей жизни повидать чужіе края, постоянно однако же лелѣялъ мечту о поѣздкѣ своей заграницу, которая манила его воображеніе широкой свободой общественной жизни и своими литературными и культурными центрами. Еще будучи въ Одессѣ, онъ въ январѣ 1824 года писалъ брату Льву Сергѣевичу, что не прочь бы, послѣ всѣхъ просьбъ объ отпускѣ заграницу, на которыя послѣдовалъ отказъ, „взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь“ (VII. 68).

въ Михайловскомъ, не смотря на близость Тригорскаго и непрерывавшіеся поэтическіе труды, онъ чувствовалъ себя попрежнему плѣнникомъ, заключеннымъ еще въ болѣе узкій кругъ и при условіяхъ болѣе строгаго наблюденія за нимъ, чѣмъ на югѣ. Неопредѣленность положенія и опасеніе провести лучшіе годы своей молодости въ деревнѣ ужасала его, и вотъ онъ снова увлекается мыслію о путешествіи заграницу. Подъ вліяніемъ этой мечты П. весной 1825 года проситъ Жуковскаго похлопотать о дозволеніи ему поѣхать заграницу для лѣченія аневризма, которому поэтъ будто бы былъ уже давно подверженъ, и приложилъ при этомъ проектъ своего прошенія къ Государю. Но въ Петербургѣ взялась за это дѣло мать поэта и замѣнила просьбу П-на какимъ-то новымъ письмомъ къ императору Александру, послѣдствіемъ котораго явилось дозволеніе П-ну лѣчиться и жить на это время въ Псковѣ, съ тѣмъ чтобы губернаторъ имѣлъ наблюденіе за его поведеніемъ и даже разговорами [1]). Такой оборотъ дѣла, совершенно обманувшій ожиданія поэта, лишилъ его всякой охоты воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ переѣхать для лѣченія въ Псковъ, о чемъ онъ, между прочимъ, такъ извѣщалъ Жуковскаго лѣтомъ того же 1825 года: „Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго [2]), очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученномъ свѣтѣ по своей книгѣ о лѣченіи лошадей. Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность Его Величества“ (VII. 136).

Послѣ этого П. сталъ уже думать о тайномъ побѣгѣ заграницу, ближайшая дорога куда была тогда для него черезъ Дерптъ. Повидимому, планъ тайнаго побѣга обдумывался П-нымъ одновременно съ вполнѣ легальными его

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 285.
2) Всеволодова.

попытками получить формальное разрѣшеніе отправиться заграницу, на успѣхъ которыхъ онъ мало расчитывалъ. Вѣроятно, въ этомъ отношеніи П. былъ неостороженъ и проговаривался о своемъ намѣреніи; по крайней мѣрѣ, слухи о предполагаемомъ его побѣгѣ ходили въ Петербургѣ, о чемъ съ досадой писалъ П. брату Льву Сергѣевичу еще въ декабрѣ 1824 года: „мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ; за чѣмъ мнѣ бѣжать? Здѣсь такъ хорошо!" (VII. 97).

Послѣднее замѣчаніе, разумѣется, было неискренно и объясняется желаніемъ П-на отклонить всякія подозрѣнія о побѣгѣ, такъ какъ около того же времени П. кому-то писалъ въ одномъ черновомъ письмѣ: „стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ" [1]). Къ этому времени относятся и черновые наброски въ стихахъ, въ которыхъ поэтъ прощается съ родными мѣстами передъ побѣгомъ (I. 333). Въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 года П., послѣ полученнаго, но не входившаго въ его планы дозволенія лѣчиться въ Псковѣ, продолжаетъ думать о поѣздкѣ заграницу и заводитъ объ этомъ переписку съ А. Н. Вульфомъ, при чемъ дѣло велось пока въ секретѣ, въ который впрочемъ посвящена была и П. А. Осипова. Для переписки съ Вульфомъ, во избѣжаніе раскрытія тайны со стороны, придуманы были условные термины: именно, съ виду темой переписки служила „коляска", будто бы взятая Вульфомъ для переѣзда въ Дерптъ, и судьба ея, т. е. или возвращеніе обратно въ Михайловское или удержаніе въ Дерптѣ, должна была означать судьбу подготовительныхъ хлопотъ о дѣлѣ въ Дерптѣ; другой системой условныхъ терминовъ было будто бы предпринятое П-нымъ печатаніе своихъ сочиненій въ Дерптѣ, при чемъ подъ словами главнаго „цензора" должно было разумѣться настроеніе высшей правительственной

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 285.

власти относительно П-на, подъ замѣтками „наборщиковъ“ — мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ [1]). А хлопоты въ Дерптѣ заключались главнымъ образомъ въ томъ, чтобы заинтересовать въ предполагаемой поѣздкѣ П-на знаменитаго тогда хирурга профессора Дерптскаго университета И. Ф. Мойера, который бы могъ замолвить слово о П-нѣ передъ маркизомъ Паулуччи: для свиданія съ хирургомъ П. могъ быть отпущенъ въ Дерптъ. Но и съ этими хлопотами случилось приблизительно то же, что и съ прошеніемъ къ Государю весной 1825 года: именно, на Мойера сталъ дѣйствовать Жуковскій, бывшій его родственникомъ и другомъ, и, не посвященный въ тайну, имѣя въ виду лишь предполагаемую болѣзнь П-на, просилъ Мойера пріѣхать въ Михайловское осмотрѣть П-на и, если нужно, сдѣлать операцію. Это опять шло совершенно въ разрѣзъ съ желаніями П-на, который вовсе не расположенъ былъ принимать доктора въ Михайловскомъ, а напротивъ самъ рвался оттуда и съ досадой писалъ Вульфу: „друзья мои и родители вѣчно со мной проказятъ: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобы онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ. . . Вразумите его: дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться“ (VII. 158—159). Въ томъ же смыслѣ, т. е. совершенно отказываясь отъ операціи, писалъ П-нъ и самому Мойеру (VII. 142) и Жуковскому, при чемъ бѣдному поэту приходилось всячески хитрить, увѣрять въ полной ненадобности операціи или въ томъ, что „операція аневризма ничего не значитъ“, и что „первый псковскій коновалъ съ нимъ могъ бы управиться“; „все равно — прибавлялъ онъ — умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. . . Погодимъ, авось-либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу. . . Посидимъ у моря, подождемъ погоды“ (VII. 150. 163).

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 288—289. Соч. П-на VII. 158. 164.

Такимъ образомъ, планъ П-на окончился полной неудачей, и онъ продолжалъ оставаться плѣнникомъ Михайловскаго.

Другимъ лицомъ, связывавшимъ П-на съ Дерптомъ, былъ товарищъ Вульфа по Дерптскому университету Н. М. Языковъ, студентъ-филологъ въ 1823—1827 годахъ. Личное знакомство обоихъ поэтовъ произошло лѣтомъ 1826 года, когда Языковъ посѣтилъ Тригорское и Михайловское, но какъ поэтъ П-нъ былъ извѣстенъ Языкову, конечно, гораздо раньше, еще въ бытность Языкова студентомъ Горнаго Института въ Петербургѣ, который онъ окончилъ въ 1820 году. Въ свою очередь, и П. зналъ Языкова по его стихотвореніямъ, начавшимъ появляться въ журналахъ съ 1822 года и сразу обратившимъ на себя вниманіе критики и читающей публики, такъ что въ 1824 году, вскорѣ по пріѣздѣ въ Михайловское, П. писалъ ему:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ;
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ!
Давно-бъ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей. . . .

И далѣе, указывая на невозможность самому явиться въ Дерптъ, П. приглашаетъ Языкова къ себѣ въ деревню, въ свой „изгнанья темный уголокъ“ (I. 308—309).

Приглашалъ П. Языкова, какъ мы видѣли, и въ посланіи-письмѣ къ Вульфу, писанномъ около того же времени; одновременно съ этимъ писала брату и сестра Вульфа, Анна Николаевна, приглашая Языкова зимой въ Тригорское (VII. 86). Но въ 1824 году Языковъ не пріѣхалъ. Весною 1825 года приглашала, чрезъ сына, Языкова и П. А. Осипова (VII. 120), а П. въ каждомъ письмѣ къ Вульфу не забывалъ и Языкова и въ маѣ 1826 года писалъ: „жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. Не правда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго (т. е. Языкова)?“ (VII. 179). Дѣйствительно, въ іюнѣ 1826 года Языковъ пріѣхалъ въ Тригорское и оставался тамъ около мѣсяца, возвратившись въ концѣ іюля въ Дерптъ [1]). Этотъ пріѣздъ Языкова внесъ много оживленія въ лѣтнее времяпровожденіе семьи П. А. Осиповой, а на самого Языкова вся обстановка деревенской жизни въ гостепріимно принявшемъ его семействѣ его университетскаго товарища и особенно близость П-на произвели чарующее впечатлѣніе и оставили по себѣ слѣдъ въ его воспоминаніяхъ какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ эпизодовъ его жизни [2]). Вотъ какъ писалъ, по возвращеніи въ Дерптъ, П-ну 19 августа 1826 года:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣе дѣвицы пригожей,
Святѣе всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы: ты да я —
Два сына Руси православной —

---

1) Садовниковъ, Д. Н. Отзывы современниковъ о Пушкинѣ. Историч. Вѣстн. 1883, № 12, стр. 524.

2) Анненковъ. Пушкинъ въ Алекс. эпоху, стр. 318—319.

Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ . . . и. т. д. [1])

Поэтическимъ изображеніемъ посѣщенія Языковымъ П-на въ Михайловскомъ является посланіе Языкова къ любимицѣ П-на нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, о которой поэтъ зимой 1824 года писалъ Д. М. Княжевичу, описывая свое пребываніе въ Михайловскомъ: „цѣлый день верхомъ; вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны . . . Она единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно“ (VII. 96).

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя? — писалъ Языковъ —

Въ тѣ дни, какъ, сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу, и науки,
И нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки,
Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены, —
Всегда привѣтами сердечной доброты
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты;
Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта,
И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой
Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство! . . .
. . . .
Ты занимала насъ — добра и весела —
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ:
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ, и смѣхъ не прерывалъ

1) Семевскій. Н. М. Языковъ. 1803—1846. Русскій Архивъ 1867, ст. 722.

Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный,
И легкіе часы летѣли беззаботно! [1])

Но самымъ замѣчательнымъ поэтическимъ плодомъ пребыванія Языкова въ Тригорскомъ является его извѣстное стихотвореніе „Тригорское", посвященное П. А. Осиповой (1826). Описаніе дней, проведенныхъ тамъ поэтомъ, искусно переплетается тутъ съ выраженіями чувствъ и мыслей, наполнявшихъ его посреди общенія съ людьми, которыхъ онъ любилъ и уважалъ.

Вотъ картина купанья въ Тригорскомъ:

Туда, туда, друзья мои!
На скатъ горы, на брегъ зеленой,
Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
Гостепріимныя струи,
Гдѣ подъ кустарникомъ тѣнистымъ
Дугою выдалась она
По глади вогнутаго дна,
Пескомъ усыпанной сребристымъ.
Одежду прочь! передъ челомъ
Протянемъ руки удалыя
И бухъ! — блистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяныя.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада:
Какъ сладострастна, какъ нѣжна
Меня обнявшая Наяда!
Дышу вольнѣе, свѣтелъ взоръ,
Въ холодной нѣгѣ оживаю,
И бодръ и веселъ выбѣгаю
Травы на бархатный коверъ.

А вотъ описаніе бесѣдъ съ Пушкинымъ:

---

1) Стихотворенія Н. М. Языкова. Ч. I. Спб. 1858, стр. 89.

Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говоритъ поэтъ!
Жрецы высокаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!
Какъ быстро мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ!
. . . .
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ! . . .

Въ концѣ стихотворенія поэтъ говоритъ:

Придутъ ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священныхъ памятниковъ Пскова?
Твои родныя красоты
Во имя музъ благословляю
И вѣрнымъ счастьемъ называю
Все, чѣмъ меня ласкала ты! [1])

Языковъ и позднѣе вспоминалъ о счастливыхъ

1) Стихотворенія Н. М. Языкова. Ч. I, стр. 76—80.

дняхъ своего пребыванія въ Тригорскомъ въ посланіяхъ къ П. А. Осиповой и А. Н. Вульфу [1]).

Пушкинъ также надолго сохранилъ воспоминаніе объ этихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ 1826 года и, попавши 10 лѣтъ спустя въ Михайловское, писалъ оттуда Языкову 14 апрѣля 1836 года: „Отгадайте, откуда пишу вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ вольные живали вы, гдѣ ровно десять лѣтъ пировали и мы втроемъ — вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи и бокалы съ Эммой, гдѣ теперь вспоминаемъ мы васъ и старину. Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти... поклонъ вамъ отъ всего и ото всѣхъ, вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью! Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, тверской ловласъ — по прежнему милый, но уже шагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое въ Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія..., но оно такъ живо мнѣ васъ напоминало, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ въ ожиданіи, что и вы откликнитесь“ (VII. 396—397).

Кромѣ Языкова, посѣтили Пушкина въ Михайловскомъ еще трое его товарищей по Лицею. О нихъ упоминаетъ онъ въ стих. „19 октября 1825“:

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. (I. 358)

Эти трое были — Пущинъ, Горчаковъ и Дельвигъ.

И. И. Пущинъ посѣтилъ П-на 11 января 1825 года и былъ у него всего одинъ день, но въ этотъ день они пере-

1) Тамъ же, ч. I, стр. 100—101, 105—106. Русскій Архивъ 1867, ст. 733—734, 739—740.

говорили о многомъ. Пущинъ, между прочимъ, читалъ Пушкину комедію Грибоѣдова „Горе отъ ума“, какъ тогдашнюю литературную новинку, извѣстную пока въ рукописи; по поводу этого чтенія Пушкинъ написалъ А. А. Бестужеву (25 янв. 1825 года) извѣстное письмо, въ которомъ высказалъ весьма мѣткія замѣчанія о знаменитой комедіи (VII. 107—108). Самъ Пущинъ описалъ свое пребываніе у Пушкина въ Запискахъ [1]). Художественнымъ памятникомъ этого посѣщенія является извѣстная картина Н. Н. Ге „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ“, хотя одна изъ живыхъ свидѣтельницъ той эпохи и оспариваетъ вѣрность изображенной въ ней внѣшней обстановки житья Пушкина дѣйствительности [2]). Пущинъ, какъ извѣстно, сдѣлался жертвою мятежа 14 дек. 1825 года и сосланъ былъ въ Читу. Вѣрный старой товарищеской связи, огорченный Пушкинъ послалъ ему съ А. Г. Муравьевой, ѣхавшей къ своему ссыльному мужу въ Читу, слѣдующее посланіе, въ которомъ вспоминаетъ о посѣщеніи Пущинымъ Михайловскаго:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней! (II. 7)

Барона А. А. Дельвига Пушкинъ ждалъ въ своемъ уединеніи съ большимъ нетерпѣніемъ, говоря объ этомъ

1) Напечатаны въ Атенеѣ 1859 № 8, а дополненія къ нимъ въ ст. М. И. Семевскаго: „Къ біографіи Пушкина“. Русск. В. 1869, ноябрь, стр. 73—81, 100—102.

2) Острогорскій, назв. соч., стр. 227.

въ письмахъ къ кн. П. А. Вяземскому и брату Льву (VII. 109. 112. 119. 122); послѣднему онъ однажды писалъ: „мочи нѣтъ, хочется Дельвига“ (VII. 113). И вотъ въ апрѣлѣ 1825 года Дельвигъ пріѣхалъ. Пушкинъ тотчасъ ввелъ этого своего любимѣйшаго товарища по Лицею въ кругъ своихъ знакомыхъ въ Тригорскомъ и былъ очень недоволенъ, что тотъ оставался совершенно равнодушнымъ къ проявленіямъ любезности, которыми старались окружить его молодыя обитательницы Тригорскаго: всему этому предпочиталъ онъ лежать на диванѣ, декламировать стихи и бесѣдовать о литературѣ. Плодомъ его отвѣтной любезности къ обитательницамъ Тригорскаго явилось лишь одно стихотвореніе, вписанное въ альбомъ П. А. Осиповой и воспѣвающее вино и дружбу [1]). Памятникомъ короткаго дружескаго расположенія Пушкина къ Дельвигу является, между прочимъ, шутливое стихотвореніе 1827 года „Черепъ“, въ которое Пушкинъ ввелъ жизнь бароновъ, Ригу, нѣмецкаго студента, А. Н. Вульфа, т. е. ту сферу представленій, которая нѣкоторое время была близка Пушкину по его товарищескимъ отношеніямъ къ дерптскимъ студентамъ Языкову и Вульфу.

Совершенно неожиданнымъ былъ пріѣздъ въ Михайловское князя А. М. Горчакова въ сентябрѣ 1825 года. Но особенной радости это посѣщеніе не доставило поэту: Пушкинъ находилъ Горчакова слишкомъ сухимъ; къ тому же Горчаковъ, повидимому, не сумѣлъ почувствовать тѣхъ духовныхъ лишеній, которыя испытывалъ поэтъ-изгнанникъ, и отнесся къ Пушкину безъ надлежащаго сочувствія, котораго ждала его душа отъ товарища: „Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ лицей — писалъ по этому поводу Пушкинъ кн. П. А. Вяземскому — кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и, слѣдственно, подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненьемъ. Охъ,

1) Семевскій. Къ біографіи Пушкина. Р.В. 1869, ноябрь, стр. 69.

душа моя — меня тошнитъ... Но предлагаемое да ѣдятъ“. Впрочемъ, Пушкинъ читалъ Горчакову нѣсколько сценъ изъ „Бориса Годунова“, которымъ онъ въ это время былъ занятъ (VII. 154. 156).

Сношенія съ другими лицами, которыя поддерживалъ Пушкинъ изъ мѣста своего изгнанія, происходили письменно. Это обстоятельство естественнымъ образомъ отразилось на количествѣ и объемѣ писанныхъ П-нымъ писемъ изъ Михайловскаго: именно, на время пребыванія здѣсь П-на въ продолженіе двухъ лѣтъ приходится почти четвертая часть всей переписки со стороны П-на, между тѣмъ какъ три четверти этой переписки, поскольку она до сихъ поръ извѣстна, падаютъ на остальныя 18 лѣтъ. Письма Пушкина обращены главнымъ образомъ къ брату Льву Сергѣевичу, которому поэтъ давалъ въ Петербургѣ разныя порученія, начиная со своихъ сочиненій и кончая мелкими покупками, кн. П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу, А. А. Бестужеву, П. А. Катенину, отчасти Н. А. Полевому и К. Ѳ. Рылѣеву — съ содержаніемъ преимущественно литературнымъ, извѣщеніемъ о своихъ поэтическихъ трудахъ, сужденіями о новыхъ явленіяхъ текущей литературы, порученіями и просьбами касательно изданія собственныхъ сочиненій. Письма къ В. А. Жуковскому почти всѣ имѣютъ характеръ просьбъ о ходатайствѣ объ избавленіи П-на изъ заточенія или вообще объ облегченіи его участи въ этомъ смыслѣ; есть дружескія письма къ бар. А. А. Дельвигу, В. К. Кюхельбекеру, Н. Н. Раевскому, П. А. Осиповой (кромѣ упомянутыхъ выше къ А. Н. Вульфу и Н. М. Языкову), шутливо-любовныя къ А. П. Кернъ и нѣкоторыя другія, менѣе значительныя. Разумѣется, въ дѣйствительности переписка Пушкина этими лицами не ограничивалась; не говоря уже о томъ, что, безъ сомнѣнія, не всѣ письма П-на за это время сдѣлались достояніемъ печати, можно съ увѣренностью полагать, что по тогдашнему опальному положенію П-на корреспонденція котораго подверга-

лась бдительному надзору въ Псковѣ, не всѣ его письма доставлялись по назначенію, и не всѣ письма, адресованныя ему, попадали въ его руки; въ одномъ письмѣ къ брату поэтъ замѣчаетъ: „Дельвига письма до меня не доходятъ“ (VII. 141).

Несмотря на веселые дни, проведенные Пушкинымъ съ пріѣзжими гостями, несмотря на близость Тригорскаго и радушіе его обитательницъ, надобно сказать, что все-таки въ общемъ жизнь Пушкина въ Михайловскомъ въ продолженіе двухъ лѣтъ была весьма уединенной и однообразной. „Знаешь ли мои занятія? — писалъ онъ въ октябрѣ 1824 года брату. — До обѣда пишу Записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“ (VII. 87—88). Зимой того же года писалъ онъ Д. М. Княжевичу: „Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревнѣ — скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы, ни васъ, друзья мои; но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна“ (VII. 96). Въ февралѣ 1825 года кн. П. А. Вяземскому П. писалъ: „Покамѣстъ я одинъ одинешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни“ (VII. 109).

Что Пушкину было въ Михайловскомъ „душно“, какъ говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Жуковскому лѣтомъ 1825 года (VII. 130), это можно бы заключить уже изъ тѣхъ рискованныхъ для него приготовленій, которыя дѣлалъ онъ къ своему побѣгу за границу. Но на это указываютъ и многочисленныя жалобы его въ дружескихъ письмахъ, (VII. 133. 140. 164. 167—173. 174 и др.), примѣсь къ которымъ веселой шутки и ироніи нисколько не ослабляетъ тяжелаго впечатлѣнія отъ внутренняго содержанія этихъ жалобъ.

Невольное уединеніе и досугъ Пушкина въ Михайловскомъ давалъ ему возможность много и серьезно читать. „Книгъ, ради Бога книгъ!“ проситъ онъ брата въ октябрѣ 1824 года (VII. 86), и затѣмъ эти просьбы о присылкѣ ему книгъ повторяются много разъ въ письмахъ къ Льву Сергѣевичу, причемъ дважды напоминаетъ онъ о присылкѣ ему французской Библіи (VII. 90. 92. 97. 98. 99. 110. 113. 124). „Мнѣ нуженъ англійскій языкъ — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому — и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способа учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ!“ (VII. 159), а въ другомъ письмѣ, къ А. А. Бестужеву, къ этому прибавляетъ: „ты да, кажется, Вяземскій одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить!“ (VII. 166).

Однимъ изъ счастливыхъ обстоятельствъ, обусловленныхъ невольнымъ пребываніемъ Пушкина въ Михайловскомъ, было то, что онъ спасся отъ гибельныхъ послѣдствій тѣхъ смутныхъ событій, которыя произошли въ Петербургѣ 14 декабря 1825 года, сопровождая собою воцареніе императора Николая I. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что будь Пушкинъ въ это время въ Петербургѣ, онъ раздѣлилъ бы участь многихъ изъ своихъ друзей, бывшихъ усердными и дѣятельными участниками заговора (VII. 173; II. 2). Неясныя и отрывочныя извѣстія объ участи заговорщиковъ, доходившія до Пушкина, волновали его чрезвычайно [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣна царствованія окрылила надежды Пушкина на полученіе свободы, и онъ началъ новыя хлопоты. Желая „вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ,“ какъ онъ писалъ бар. А. А. Дельвигу 6 января 1826 года (VII. 174), П. въ маѣ того же года подалъ черезъ Псковскаго гражданскаго губернатора барона Адеркаса прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ „съ истиннымъ

1) Стоюнинъ. Пушкинъ, стр. 278—279.

раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку" просилъ дозволить ему свободный въѣздъ въ обѣ столицы (VII. 177—178). Молодой государь взглянулъ благосклонно на просьбу Пушкина и 28 авг. 1826 года подписалъ резолюцію о немедленномъ доставленіи Пушкина въ Москву, куда тотъ и прибылъ 8 сентября и въ тотъ же день былъ представленъ Государю въ Чудовомъ дворцѣ.

Такъ кончилось двухгодичное заточеніе П-на въ Михайловскомъ.

II.

Въ отношеніи поэтическаго творчества П-на два года, проведенные имъ въ Михайловскомъ, были весьма счастливы и принесли обильные плоды. Тутъ, въ тиши уединенія, въ глубокомъ сосредоточеніи, на свободѣ зрѣли творческіе замыслы поэта и облекались въ рядъ поэтическихъ созданій, въ которыхъ впервые обнаружилась настоящая зрѣлость геніальнаго дарованія Пушкина.

На первомъ мѣстѣ среди произведеній этой эпохи, безспорно, стоитъ „Борисъ Годуновъ". Первое извѣстіе объ этой пьесѣ находимъ мы въ припискѣ къ письму П-на къ кн. Вяземскому отъ 13 іюля 1825 года: „передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобъ не выписать ея заглавія: Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333 на городищѣ Вороничѣ" (VII. 137). Насколько тогда была выполнена эта работа надъ трагедіей, мы не знаемъ, но осенью того же года П. писалъ тому же лицу: „Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ: ай да Пушкинъ! . . . . (VII. 160).

Въ черновыхъ бумагахъ П-на сохранилось нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ позднѣйшихъ годовъ, гдѣ П. касается своей пьесы, которую онъ попеременно называетъ то „комедіею", то „трагедіею", то „драмою": „Комедія о царѣ Борисѣ и Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ, труды мои были ревностны и добросовѣстны" (III. 82—83). Указанія — точныя и совершенно опредѣленныя; произведенная позднѣйшей критикой провѣрка ихъ анализомъ самой драмы вполнѣ подтвердила признанія Пушкина и показала вмѣстѣ съ тѣмъ вдумчивую самостоятельность и добросовѣстность, съ которыми относился П. къ своимъ „источникамъ", зависимость отъ которыхъ автора слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что добытыя изъ нихъ данныя онъ претворялъ и переработывалъ въ своемъ творческомъ сознаніи и представилъ въ концѣ концовъ трудъ, и въ цѣломъ и въ частяхъ совершенно самостоятельный и обладающій высокими поэтическими достоинствами. Напр., даже зависимость отъ Карамзина, о которой говоритъ самъ П. и которая понималась въ свое время даже такими критиками, какъ Полевой и Бѣлинскій, въ смыслѣ почти простого пересказа Пушкинымъ нѣкоторыхъ страницъ X и XI томовъ „Исторіи Государства Россійскаго", теперь, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается далеко не столь близкою и обнаруживающею, напротивъ, весьма самостоятельное отношеніе

П. къ Карамзину, извѣстія котораго онъ восполнялъ другими источниками, иногда шедшими даже въ противорѣчіе съ разсказомъ Карамзина [1]). Это конечно свидѣтельствуетъ о самомъ серьезномъ отношеніи П-на къ своему труду, который былъ ему чрезвычайно дорогъ, и въ который вложилъ онъ часть своей души: „Хоть я вообще — говоритъ П-нъ въ тѣхъ же своихъ отрывочныхъ замѣткахъ, еще до изданія въ свѣтъ драмы — довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь, неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: c'est une oeuvre de bonne foi. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ (III. 82). Въ своихъ опасеніяхъ относительно успѣха „Бориса Годунова“ П. оказался совершенно правъ: претерпѣвъ довольно длинную исторію до своего напечатанія [2]), драма увидѣла свѣтъ лишь въ началѣ 1831 года и при появленіи своемъ нашла далеко не единодушное пониманіе, какъ въ критикѣ, такъ и среди читающей публики.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что работа надъ „Борисомъ Годуновымъ“, въ которомъ такую видную роль играетъ элементъ старинной русской народной жизни, содѣйствовала стремленіямъ П-на проникнуть въ окружавшую его дѣйствительную народную жизнь. По словамъ Анненкова, „время пребыванія въ Псковѣ онъ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли — изученію на-

1) Ждановъ И. Н. О драмѣ А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Спб. 1892, стр. 12 и сл.

2) Исторія эта разсказана по документамъ акад. М. И. Сухомлиновымъ въ ст. „Императоръ Николай Павловичъ — критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина“: Изслѣдованія и статьи, II, стр. 218—235.

родной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отысканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова" [1]). Плодомъ такихъ наблюденій явился именно тотъ сборникъ народныхъ пѣсенъ, который, по свидѣтельству В. П. Кирѣевскаго, переданъ былъ ему Пушкинымъ и послужилъ къ обогащенію замѣчательнаго собранія Кирѣевскаго произведеній народнаго творчества, увидѣвшаго свѣтъ гораздо позднѣе, а также и тѣхъ „полународныхъ, полувыдуманныхъ произведеній", какъ выражается Анненковъ, въ которыхъ мы находимъ „смѣшеніе творчества личнаго и условнаго съ общенароднымъ и непосредственнымъ" (I. 372—376).

Другимъ обширнымъ поэтическимъ трудомъ, занимавшимъ Пушкина въ Михайловскомъ, былъ „Евгеній Онѣгинъ". Какъ извѣстно изъ собственныхъ указаній П-на, романъ этотъ писался имъ въ впродолженіе десяти лѣтъ: начатъ въ 1822 году и оконченъ въ 1831-мъ. Изъ восьми главъ, составляющихъ это произведеніе Пушкина, которое является, можно сказать, центромъ всего его поэтическаго творчества, четыре написаны въ Михайловскомъ: именно третья, четвертая, пятая и шестая. Если припомнить содержаніе этихъ главъ (семья Лариныхъ, посѣщеніе ея въ первый разъ Онѣгинымъ, письмо Татьяны къ Онѣгину, ея сонъ, балъ, поединокъ Онѣгина и Ленскаго), то окажется, что въ нихъ сосредоточивается главное содержаніе романа и главныя его поэтическія красоты описательнаго характера — какъ картины деревенской помѣщичьей жизни и сельской природы въ разныя времена года. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что матеріаломъ для этихъ послѣднихъ являлись живыя наблюденія П-на надъ окружавшей его

1) Матеріалы, 2 изд., стр. 144.

помѣщичьей жизнью въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. Что же касается дѣйствующихъ въ романѣ лицъ, то уже давно извѣстно мнѣніе Анненкова о томъ, что въ Татьянѣ и Ольгѣ П-нымъ изображены, въ поэтическомъ претвореніи, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ [1]). Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ опубликованномъ въ самое послѣднее время дневникѣ Алексѣя Н. Вульфа, гдѣ онъ говоритъ по поводу чтенія „Евгенія Онѣгина": „онъ (романъ) не только почти весь написанъ въ моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, въ губерніи Псковской. Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ. Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ ихъ въ Онѣгинѣ, были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ въ Михайловскомъ пересуждаемы между нами, а послѣ я встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ" [2]). О нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, какъ оригиналѣ няни Татьяны, упомянуто было свидѣтельство самого П-на выше. Отдѣльныя главы „Евгенія Онѣгина" выходили въ печати постепенно съ 1825 по 1832 годъ, причемъ первая вышла въ 1825, а вторая въ 1826; въ неразрѣзанные листы этой послѣдней главы П. вложилъ и поднесъ въ Тригорскомъ А. П. Кернъ знаменитое свое поэтическое признаніе „Я помню чудное мгновеніе . . .", составляющее одно изъ украшеній Пушкинской лирики за время его жизни въ Михайловскомъ.

Дописывая шестую главу „Онѣгина" и уже волнуемый надеждой скоро выйти на свободу, поэтъ въ послѣднихъ

---

1) Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 279. Ср. Соч. П-на, Ш. 336. 405.

2) Майковъ, Л. Н. А. Н. Вульфъ и его дневникъ. Р. Стар. 1899, № 3, стр. 531.

строфахъ ея такъ прощается со своей молодостью и посылаетъ привѣтъ своему деревенскому уединенію, которое онъ готовъ былъ покинуть:

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!

Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я насладился . . . . и вполнѣ.
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть . . . . (III. 357)

Изъ менѣе значительныхъ произведеній этого времени должны быть названы „Графъ Нулинъ", „Женихъ", нѣсколько экскурсовъ въ область иностранныхъ литературъ въ видѣ переводовъ, подражаній или самостоятельныхъ

произведенiй въ духѣ иностранныхъ писателей, наконецъ лирическiя стихотворенiя и нѣсколько отрывковъ въ прозѣ.

„Графъ Нулинъ" (1825) представляетъ собою живое, но краткое поэтическое описанiе одного эпизода изъ помѣщичьей жизни въ деревнѣ, причемъ въ лицо главнаго героя произведенiя авторъ вложилъ нѣсколько сатирическихъ чертъ, обличающихъ какъ легкомыслiе семейныхъ нравовъ, такъ и тогдашнее рабское отношенiе ко всему французскому, начиная съ мыслей и кончая послѣдними подробностями моднаго костюма. О происхожденiи этого произведенiя П. позднѣе (въ 1833 году) писалъ: „въ концѣ 1825 года находился въ деревнѣ и, перечитывая Лукрецiю, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что если бы Лукрецiи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинiю? Быть можетъ, это охладило бы его предпрiимчивость, и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить. Лукрецiя бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы — и мiръ и исторiя мiра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторiю и Шекспира мнѣ представилась. Я не могъ воспротивиться двойному искушенiю, и въ два утра написалъ эту повѣсть" (V. 194). „Графъ Нулинъ" увидѣлъ свѣтъ нѣсколько позднѣе, сначала въ отрывкахъ, затѣмъ въ цѣломъ видѣ въ 1827 и 1828 годахъ. Слѣдомъ личныхъ впечатлѣнiй поэта въ этомъ произведенiи являются стихи:

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальный
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
Товарищъ юности удалой? . . . (III. 88.)

Стихотворенiе „Женихъ" (1825) есть поэтическiй пересказъ простонародной сказки, быть можетъ, слышанной

Пушкинымъ отъ своей няни [1]; по складу своему оно напоминаетъ баллады изъ старинной русской жизни во вкусѣ Жуковскаго и среди произведеній П-на стоитъ довольно одиноко.

Мы знаемъ уже, что въ Михайловскомъ П. усердно читалъ Шекспира и Вальтеръ-Скотта и въ одномъ письмѣ къ кн. Вяземскому (въ сентябрѣ 1825) сожалѣлъ о невозможности основательно заняться въ деревнѣ англійскимъ языкомъ (VII. 159). Но не одна англійская литература тогда занимала его. Изъ французской онъ въ особенности увлекался А. Шенье, которому подражалъ и переводилъ его (1824—1825) (I. 321—322. 362) и въ памятъ котораго написалъ свое знаменитое стихотвореніе „Андрей Шенье" (1825), благодаря которому онъ нѣсколько позднѣе (въ 1827 году) едва не поплатился серьезнымъ наказаніемъ и избѣгъ его только потому, что стихотвореніе написано было до всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 года. Пытался перелагать въ это время Пушкинъ кое-что съ итальянскаго и португальскаго (1825) (I. 366—370) и написалъ весьма замѣчательную „Сцену изъ Фауста" (1826), навѣянную мыслью о знаменитой поэмѣ великаго германскаго поэта, о которой въ 1827 г. П. выразился, что „Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа", которое „служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности" (V. 50). Несмотря на такое поклоненіе Гёте, нашедшее себѣ выраженіе и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Пушкина (VI. 61; VII. 129. 202), нашъ поэтъ сумѣлъ взглянуть на поэму Гёте собственными глазами и, по выраженію одного критика [2]), внести въ нее даже „поправку" — съ точки зрѣнія взгляда на нравственный характеръ поступковъ доктора Фауста отно-

1) Анненковъ, Мат., стр. 113; Сумцовъ, Этюды объ А. С. Пушкинѣ. вып. V (Варшава 1897), стр. 2—16.

2) Незеленовъ. Пушкинъ въ своей поэзіи, стр. 231.

сительно Маргариты: именно, Пушкинъ устами Мефистофеля раскрываетъ передъ Фаустомъ всю глубину его безпощаднаго эгоизма по отношенію къ Маргаритѣ и тѣмъ вызываетъ въ немъ тяжелые упреки и мученія совѣсти:

Мефистофель.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она . . . .
Что жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной? . . .
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеніемъ:
Такъ безрасчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранитъ ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Развратъ косится боязливо . . .
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье. . . .

Фаустъ.

Сокройся, адское творенье!
Бѣги отъ взора моего! (III. 105—106).

Анненковъ [1]) передаетъ извѣстіе, въ видѣ предположенія, что „Гёте зналъ объ этой сценѣ. Разсказываютъ, что онъ послалъ Пушкину поклонъ черезъ одного русскаго

1) Мат., стр. 177.

путешественника и препроводилъ съ нимъ въ подарокъ собственное свое перо, которое, какъ мы слышали, многіе видѣли въ кабинетѣ Пушкина въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ подпись: подарокъ Гёте".

Попытками углубленія въ древнюю жизнь является у Пушкина съ одной стороны подражаніе „Пѣсни пѣсней" (I. 345), съ другой — первый набросокъ стихотворенія „Клеопатра" (1825), который онъ имѣлъ въ виду вставить сначала въ повѣсть изъ древне-римской жизни, а потомъ въ повѣсть изъ современнаго русскаго великосвѣтскаго быта; результатомъ этого явились отрывки повѣсти „Египетскія ночи", надъ которой П. работалъ десять лѣтъ спустя (1835) и которую все-таки оставилъ неоконченной (IV. 387—405). П. именно хотѣлъ воспользоваться эпизодомъ изъ древне-египетской жизни, какъ средствомъ поэтическаго эффекта, для болѣе яркаго изображенія современной ему русской жизни, и хотя по неоконченности произведенія послѣдняя цѣль не была достигнута поэтомъ, однако само по себѣ стихотвореніе „Клеопатра" (IV. 396—398) представляетъ собою, по общему признанію, нѣчто въ высшей степени совершенное по глубокому вдохновенію, яркости образовъ и исторической вѣрности, переносящей читателя разомъ въ изображаемую обстановку въ такой степени, какая могла быть доступна лишь вполнѣ возмужавшему поэтическому генію.

До извѣстной степени близко подходятъ къ этому идеалу поэтическаго проникновенія въ чужую и далекую обстановку и девять стихотвореній П-на, объединенныхъ общимъ именемъ „Подражаніе Корану" (1824) и посвященныхъ авторомъ П. А. Осиповой (I. 322—328): съ замѣчательной вѣрностью и выразительностью передана тутъ своеобразная поэзія священной книги Магомета со всей ея наивной глубиной и риторическимъ паѳосомъ.

Что касается мелкихъ лирическихъ стихотвореній, писанныхъ П-нымъ въ Михайловскомъ, то кромѣ тѣхъ, о ко-

торыхъ было уже упомянуто, здѣсь можно указать еще на отголоски завязавшихся на югѣ нѣжныхъ привязанностей поэта и на стихотворенія, въ которыхъ П. говоритъ о своемъ поэтическомъ призваніи.

Глубиной искренняго чувства дышатъ стихотворенія „Сожженное письмо" и „Желаніе славы" (оба — 1825), въ которыхъ П. отдается сладкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустнымъ воспоминаніямъ чистой любви къ женщинѣ, съ которой силою обстоятельствъ ему пришлось разстаться (I. 344). Къ этой же категоріи должна быть отнесена не по лицу, къ которому обращена, но по характеру внушившаго ее чувства, элегія „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной" (1826), написанная на смерть г-жи Ризничъ, волновавшей воображеніе поэта и до этого и даже послѣ своей смерти [1]). Элегія эта по глубинѣ чувства, по высокому поэтическому стилю и нѣжности колорита безспорно принадлежитъ къ числу перловъ Пушкинской лирики. Нѣсколько инымъ, менѣе возвышеннымъ и чистымъ характеромъ отличалось увлеченье П-на одною изъ пріѣзжихъ обитательницъ Тригорскаго А. П. Кернъ, вызвавшей также изъ подъ пера П-на превосходное стихотвореніе „Я помню чудное мгновенье", о которомъ было уже упомянуто выше.

Въ стихотвореніяхъ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ" (1824) и „Пророкъ" (1826) П. раскрываетъ сокровенныя тайны своего поэтическаго сознанія и если въ первомъ изъ нихъ, сначала ревниво оберегая чистоту и искренность своихъ творческихъ побужденій, поэтъ тѣмъ не менѣе въ концѣ какъ бы сдается на доводы практицизма, то во второмъ, далекій отъ всякихъ колебаній, онъ встаетъ передъ нами въ величавой роли вдохновеннаго проповѣдника и глашатая воли самого Бога:

Возстань, пророкъ, и виждь и внемли,
Исполнись волею моей

1) Незеленовъ, стр. 146—151.

И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей! (II. 3)

Наконецъ, въ прозѣ, за время пребыванія своего въ Михайловскомъ, П. не представилъ ничего замѣчательнаго: это или краткія журнальныя статьи (для „Московскаго Телеграфа“ 1825 года), или летучія замѣтки при чтеніи разныхъ книгъ, или отрывки автобіографіи, не имѣющіе особаго интереса (V. 22—42). Ясно, что въ Пушкинѣ тогда не созрѣлъ еще прозаикъ, какъ это имѣло мѣсто позднѣе, и, идя неудержимо впередъ по пути своего литературнаго развитія, онъ еще продолжалъ держаться исключительно стихотворной формы, какъ болѣе для него привычной и болѣе соотвѣтствующей той ступени своего поэтическаго настроенія, на которой онъ находился въ ту пору.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, факты и обстановка личной жизни и поэтической дѣятельности Пушкина во время его невольнаго пребыванія въ селѣ Михайловскомъ. Если мы примемъ во вниманіе, какая участь почти навѣрное ожидала бы пылкаго поэта при заговорѣ 14 декабря 1825 года, будь онъ въ какомъ-нибудь людномъ центрѣ въ это тревожное время, то мы можемъ благословить судьбу, сохранившую намъ тѣмъ самымъ П-на отъ вѣроятной и преждевременной гибели. Оставаясь въ Михайловскомъ, П. не терялъ времени напрасно, воспитывая въ тиши свой творческій геній путемъ вдумчивости, самообразованія и дѣятельнаго труда. Явившись въ Михайловское авторомъ стихотвореній и поэмъ, на которыхъ, при всей ихъ непосредственной поэтической цѣнности, лежала еще печать неувѣренности и очевиднаго вліянія Байрона, онъ оставляетъ его творцомъ „Бориса Годунова“, лучшей части „Евгенія Онѣгина“ и „Пророка“. Такимъ образомъ, въ Пушкинѣ изъ Михайловскаго выходитъ на литературное поприще уже

вполнѣ серьезный художникъ не только во всеоружіи природнаго художественнаго дарованія, но и глубокаго сознательнаго пониманія своихъ дальнѣйшихъ творческихъ задачъ и плановъ. Въ этомъ крупномъ шагѣ впередъ и заключается именно та историческая важность, которая придается и должна придаваться въ жизни и дѣятельности П-на изображенной нами порѣ его пребыванія въ „уголкѣ земли“, гдѣ по его собственному позднѣйшему признанію онъ провелъ „отшельникомъ два года незамѣтныхъ.“

Цѣна 30 коп.

Другіе труды того же автора:

Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Спб. 1886. (Второе изданіе этого труда — въ „Памятникахъ древне-русской церковно-учительной литературы“. Вып. III. Спб. 1897.)

Къ вопросу о Кириллахъ — авторахъ въ древне-русской литературѣ. Спб. 1887.

Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888. Ц. 2 р.

Павелъ Александровичъ Катенинъ (біографическій и историко-литературный очеркъ). Ист. Вѣстн. 1888 № 9.

И. П. Пнинъ и его „Вопль невинности, отвергаемой законами“. Ист. Вѣстн. 1889 № 7

Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности А. Х. Востокова. Спб. 1890.

Нѣсколько замѣчаній о лицахъ въ Лермонтовской поэзіи. Ист. Вѣстн. 1891 № 10.

Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Спб. 1893. Ц. 50 коп.

Болгарскіе литературные дѣятели древнѣйшей эпохи на русской почвѣ. Журналъ Минист. Нар. Просв. 1893 № 4.

Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. I—III. Кіевъ 1894. Ц. 60 коп.

Къ біографіи А. А. Котляревскаго. Кіевская Старина 1894 №4.

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (очеркъ его жизни и дѣятельности). Журналъ Минист. Нар. Просв. 1894 № 8.

Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895. Ц. 2 р. 50 коп.

Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко. Кіевъ 1895. Ц. 50 коп.

Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Второе изданіе, свѣренное по подлинникамъ, исправленное и пополненное, съ присоединеніемъ четырехъ писемъ Н. Я. Прокоповича къ Н. В. Гоголю (1847—1850) и двухъ фототипическихъ снимковъ. Кіевъ 1895. Ц. 60 коп.

Гимназія Высшихъ Наукъ князя Безбородко. Историческій очеркъ. Спб. 1895. Ц. 50 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Рѣчь. Кіевъ 1895. Ц. 25 коп.

О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи. Кіевъ 1895. Ц. 10 коп.

О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка. Вступительная лекція. Юрьевъ 1895. Ц. 25 коп.

Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. Къ исторій русско-чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинѣ XIX вѣка. Юрьевъ 1896. Ц 50 коп.

О пессимизмѣ И. С. Тургенева. Юрьевъ 1897. Ц. 25 коп.

Объ отношеніяхъ Императора Николая I. и А. С. Пушкина. Рѣчь. Юрьевъ 1897. Ц. 20 коп.

В. А. Жуковскій въ Дерптѣ. Спб. 1897. Ц. 40 коп.

Слѣды непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древне-русскую (библіографическія замѣтки). Журналъ Минист. Нар. Просв. 1897 № 7.

Лужицкіе Сербы (Лужичане). Изъ путевыхъ замѣтокъ лѣтомъ 1897 года. Юрьевъ 1898. Ц. 25 коп.

Эпиграмматическія, сатирическія и шуточныя стихотворенія М. В. Ломоносова. Юрьевъ 1898.

По берегамъ Адріатики. I. Приморская Хорватія и Далмація. II. Въ Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и замѣтки. Рижскій Вѣстникъ 1898 №№ 98, 100, 103, 105, 108, 110. 113, 115, 116, 119.

Изданія, при которыхъ обозначена цѣна, можно получать въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) и у автора (Юрьевъ, Университетъ).